

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ И СУДЬБА РИМА В ТРУДАХ ХРИСТИАНСКИХ АВТОРОВ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

The evolution of the relationship between the state and Christianity in the Late Roman Empire is regarded. The transition from a conflict to a political and ideological alliance between the imperial government and raising Church is shown. The development of the ideas of the historical mission of Rome in the writings of Christian apologists is highlighted. The causes of the rise of the episcopate of Rome and two models of the church-state interaction (the Western, Roman and the Eastern, Byzantine) are characterized.

Взаимоотношения государственной власти и христианской церкви в Римской империи прошли долгий и насыщенный противоречиями путь развития. Они начинались с острейшего конфликта, выразившегося, с одной стороны, в периодически устраивавшихся императорами гонениях на христиан, а с другой – в кропотливом творчестве христианских апологетов, вступивших в спор с блестяще образованными языческими писателями в попытке обосновать право новой религии на существование и доказать ее лояльность по отношению к государству. Однако уже спустя три столетия, в эпоху Поздней империи, наступило примирение и возник теснейший политико-идеологический симбиоз, когда христианство превратилось сначала в терпимую, а впоследствии – в единственную государственную религию, победно утверждающую свой триумф в духовной сфере.

Было бы преувеличением сказать, что языческая государственность потерпела сокрушительное поражение в этой борьбе: скорее, имела место существенная трансформация как самой государственной машины империи, так и новой религии; последняя, пройдя процесс институализации и превратившись в церковь, сама во многом уподобилась современному ей государству, обрела в империи жизненную нишу, а главное – увидела возможности извлечь конкретные выгоды от возникшего с ней идейно-политического союза.

Позднеримское христианство, кроме прочего, усвоило ряд положений, утвержденных империей в качестве идеологической базиса своего существования, по-своему их интерпретировало и обеспечило им достаточно длительное существование уже после падения самой империи.

Ко II в. н.э. обрел свой окончательный облик т.н. «римский миф». В центре его находился Рим – Вечный Город (Urbs Aeterna), объединивший все человечество, единый центр античной ойкумены, а в политическом плане – столица вселенской Империи. В эпоху Домината «римский миф», ставший, по сути, официальной идеологией, утвердился в форме «идеи Рима», или концепции универсальной внеисторической Римской империи.

Особое место в идеологеме Рима и империи всегда занимала религия. На ранних этапах становления «римского мифа» в него были вписаны персонажи римской мифологии и полисной религии: беглецы из Трои, в числе которых – Эней, пращур римлян; боги-покровители Рима, прежде всего – Юпитер и Венера. Впоследствии обожествляется сам город Рим, что нашло отражение в культе богини Ромы. О прочности данного культа свидетельствует тот факт, что он не был искоренен еще в V в. н.э.: именно к Роме (т.е. к божественному Риму) возносил свои мольбы языческий поэт, галл по происхождению, Рутилий Намациан [Возвращение на родину, I, 45-54]. Наконец, в заключительной фазе развития «римского мифа» в его центр помещается сакральная фигура императора: он отождествляется с Римом, становится гарантом непреходящего «золотого века» и вечности самой империи.

Рассмотренные выше ключевые положения имперской идеи с упадком язычества и утверждением новой религии в эпоху Поздней империи теснейшим образом соотносятся с христианством. Со временем утверждается – одновременно и западной церковью, и властью – *концепция универсальной христианской империи*; объединительная централизующая миссия Рима становится миссией церкви, но задачи империи теперь напрямую связаны с задачами христианства.

Быстрое восхождение христианства многие исследователи объясняют тем, что оно на определенном этапе стало восприниматься в роли единственной центростремительной силы, обещающей остановить необратимую деформацию и распад империи. Недавний объект презрения и гонений, не отличавшийся в глазах знатных римлян от прочих «гнусных суеверий» (по Тациту), оно оказалось в самом фокусе событий. Речь идет о римской церкви, которая уже в конце II в. занимала привилегированное положение в ряду прочих церквей, а при императоре Аврелиане (270 – 275 гг.) римский епископат добился лидерства над христианским миром.

Как отмечает К.А. Свасьян, опыт римской государственности был перенят и усвоен римской христианской общиной; в промежутках между гонениями складывался на редкость твердый и трезвый аппарат церковной власти [8, с. 22-23]. Привилегии римской общины обуславливались рядом моментов, и прежде всего деятельностью ее основателя, Петра – первого среди учеников Христа, «князя апостолов» (в латинском варианте – «принцепса», в греческом – «корифея»; латинский вариант напрямую соотносится с титулом императора). Значение Петра как первого из апостолов и само местопребывание римской общины в центре империи подчеркивали аспект лидерства и приоритета; быть в Риме, даже в качестве преследуемого и гонимого, значило быть в самом средоточии власти, и христианская община Рима ощущала и позиционировала себя в качестве общины столицы мира [8, с. 23].

Таким образом, на определенном этапе для новой религии выживание ненавистной империи оказалась парадоксальным образом необходимо, ибо торжество христианства должно было быть вселенским, и свершить это можно было лишь в масштабах – и с помощью – вселенского государства. С другой стороны, в это же время (III – V вв.) государство осознало, что власть римского священства может помочь сдерживать центробежные силы. Так казав-

пшийся ранее невозможным союз государства и христианской церкви стал политической реальностью и нашел отражение в церковной идеологии.

Еще Тертуллиан (ок. 165 – ок. 240 гг.) в разгар гонений признавал, что империя по-своему нужна, ибо без нее не будет пределов злу и несчастьям: «Есть у нас другая, большая нужда молиться за императоров... и за Римское государство. Мы знаем, что предстоящая всему земному пару величайшая катастрофа и самый конец мира, грозный страшными бедствиями, замедляется римской властью. Мы не хотим испытать этой катастрофы и этого конца, и потому, когда молимся об отсрочке этого, то этим самым содействуем продолжению Римского государства... Мы в императорах видим судей Бога, Который поставил их начальниками над народами... Мы молимся и за императоров, их министров и власти, за существование рода человеческого, за спокойствие государства и за замедление конца мира» [Апологетик, 32, 39].

Христианство усваивает и такие идеологемы «римского мифа» как вечность Города, который мыслился вне исторического времени, и бесконечность империи. В контексте Римского государства христианские авторы употребляют введенные языческими панегиристами термины *orbis*, *kosmos*, *oikoumene*. В V в. Сократ Схоластик [Церковная история, II, 37] писал, что участники Ариминского собора 359 г. указывали императору Констанцию II на то, что его царство простирается до пределов Вселенной. Закрепляется и получает новое звучание прежняя идеологическая формула: вселенная – это Империя, а Империя – это Вселенная.

Сохранялось и укоренившееся убеждение в провиденциальном назначении империи: она была создана почти в самый канун рождения Христа, чтобы «вместить» христианство; не случайно теми самыми дорогами, что были проложены для римских легионов, прошли апостолы [2]. Автор IV в. Пруденций верил в провиденциальную миссию Рима, но тесно увязывал миродержавство Рима и будущее самой империи с идеей распространения христианской религии, с необходимостью небесного заступничества Христа. У Сократа Схоластика находим эту же оптимистическую идею постоянного роста и усиления христианской империи под контролем и с помощью Бога [5, с. 14, 21-22]. Даже взятие Рима вестготами в 410 г., произведшее самое тягостное впечатление на современников, Августин Блаженный в своем «Слове о разорении города Рима» интерпретировал не как погибель, а как наказание великого города: Рим уцелел ради христианских праведников, обитавших в нем [II, 2].

Сакральный смысл *Pax Romana*, результата функционирования империи, виделся в обеспечении некоего «пространства спасения» всем людям и всем народам. Видимо, не случайно книга деяний апостолов завершается приходом Павла в Рим, на суд императора, поскольку история рождения церкви уже завершилась – самым фактом прибытия апостола в Рим: пространство Евангелия совпало с пространством Империи [3].

Связь идеи империи и христианства ярче всего выражена в творчестве Евсевия Кесарийского (ок. 263 – 340 гг.). Он писал: «Один Бог владычествует всеми, одна империя для обладания всеми народами. В одно и то же время по небесному изволению появились два ростка, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир, – это Римская империя и христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении... Область распространения ее господства идет до пределов земли. Весь мир составит одну нацию, все люди соединятся в одну семью под общим скипетром» [цит. по: 11, с. 11].

Церковь подчеркивает связь этих двух эпохальных событий – рождения Христа в Вифлееме и рождения империи в Риме. Рождество Христово как бы санкционирует, сообщает сакральный смысл сформировавшейся к тому времени империи. И наоборот, Рим от самого своего основания расширял границы словно лишь для того, чтобы, обняв собой мир, сделать всемирным рождение Богочеловека [3].

Евсевий Кесарийский помещает *Imperium Romanum* на место некоего библейского универсального мира народов, Царства Божия. Это царство объединило империю и христианскую церковь в новую универсальную организацию – империю-церковь [4, с. 128]. Соединить целый мир в имперском и христианском единстве – так была обозначена новая историческая миссия Римского государства и римской церкви.

В поздней империи Единый Бог стал средством скрепления единства: земная власть императора – вице-Христа – была объявлена отображенным небесным отечеством для всех подданных. Еще апостол Петр говорил: «Бога бойтесь, царя чтите» [1 Пет. 2, 17]. Тертуллиан доказывал лояльность христиан по отношению к императорской власти: «Но что мне более сказать об уважении и почтении христиан к императору, на которого мы должны смотреть, как на лицо, избранное нашим Богом? Да, я по справедливости могу сказать: император больше наш, чем ваш, так как он поставлен нашим Богом» [Апологетик, 32].

Государственное христианство с IV в. приняло форму не столько религии, сколько унитарной космополитичной идеологии «священной» вселенской империи [7, с. 98, 390]. На политический универсализм наложился христианский экуменизм, сопряженный с идеей единого религиозного центра: на *Pax Romana* наложился *Pax Christiana*. В итоге был выработан политико-конфессиональный монистический принцип, согласно которому все народы образуют одну обширную семью в рамках единой христианской (по-прежнему Римской) империи под скипетром Христа, представителем которого на земле провозглашался единый (по-прежнему римский) император, обитающий в столице мира [4, с. 126].

В IV – VI вв. сформировались различные парадигмы Империи. Восточная, идущая от Евсевия Кесарийского, допускала существование различных конфессий, но только в рамках единой Империи: весь мир должен был склониться перед императором и его скипетром, а церковь пребудет в империи. Западная парадигма, впервые заявленная епископом римским Геласием в 491 г., провозглашала верховенство римского папы, в то время как империй может быть несколько, но все империи должны были подчиняться римскому, т.е. папскому, престолу (здесь, по выражению Н. Лисового, «идея Империи была переплавлена в идею папства, идею римского престола») [11, с. 11].

Падение *Imperii Romani* в 476 г. как политической реальности в глазах христианских авторов открывало дорогу рождению нового Рима в качестве *Imperii Christi*. Учение папы Геласия сформировало последующую парадигму решения вопроса о церковной и светской власти на Западе; оно же заложило основу не только церковных, но и геополитических противоречий со «Вторым Римом» – Византией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аврелий Августин. Слово о разорении города Рима // Вестник древней истории. – 2001. – № 2. – С. 245-250.

2. Каграманов, Ю. Империя и ойкумена / Ю. Каграманов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/kagram.html – Дата доступа : 21.10.2012.
3. Лисовой, Н. Государство и Церковь: парадигмы Востока и Запада / Н. Лисовой // Церковный вестник. – 2004. – № 13-14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.tserkov.info/numbers/history/?ID=1062. – Дата доступа : 25.09.2011.
4. Медведев, И.П. Роль Византии в средневековом христианском мире вообще и христианизации Руси в частности / И.П. Медведев // Рим, Константинополь, Москва : сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М. : ИРИ, 1997. – 376 с. – С. 124-134.
5. Мязина, О.Б. Представления об императорской власти и исторических судьбах Рима в контексте полемики христианства и язычества на рубеже IV – V вв. (по материалам творчества Пруденция) : автореферат дисс. ... канд. ист. наук / О.Б. Мязина. – Казань, 2002. – 26 с.
6. Намациан, Клавдий Рутилий. Возвращение на родину // Поздняя латинская поэзия. – М. : Художественная литература, 1982. – 719 с. – С. 283-304.
7. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство / В.С. Полосин. – М. : Ладомир, 1999. – 440 с.
8. Свасьян, К.А. Становление европейской науки / К.А. Свасьян. – М. : Evidentis, 2002. – 448 с.
9. Сократ Схоластик. Церковная история. – М. : РОССПЭН, 1996. – 368 с.
10. Тертуллиан. Апологетик. К Скапуде / пер. А.Ю. Братухина. – СПб. : Изд-во О. Абышко, 2005. – 256 с.
11. Три Рима / сост. : Н.Н. Лисовой, Т.А. Соколова. – М. : ОЛМА-пресс, 2001. – 463 с.